

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Ю.А.ЗЕЛЕНЕЕВА «ОЧЕРКИ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ XIII-XV ВВ.»
(ОТВ. РЕД. Д.И.Н. ПРОФ. В.А.ИВАНОВ. – ЙОШКАР-ОЛА:
МАРИЙСКИЙ ГОС. УН-Т, 2013. – 326 С., ИЛ.)**

Фаяз Шарипович Хузин,

Институт истории Академии наук Татарстана,
Россия, 420015, Казань, Кремль, подъезд 5,
khuzinfayaz@mail.ru

В рецензируемой монографии известного российского археолога Ю.А.Зеленева материальная культура оседлого (городского и сельского) и кочевого населения Поволжья рассматривается с точки зрения этнополитических процессов, происходивших в условиях новой реальности, связанной с появлением и функционированием Золотой Орды. По мнению автора монографии, в сложных процессах формирования «синкретической имперской культуры» и нового «этнического лица» монголо-татарского государства активное участие приняли волжские булгары с их богатыми городами – высокоразвитыми экономическими и культурными центрами, финно-угорские языческие племена, хозяйственная жизнь которых была основана на примитивном земледелии и промыслах, кочевые скотоводы Дешт-и-Кыпчака, а также часть православных русских, следы проживания которых обнаруживаются практически во всех городских поселениях Золотой Орды.

Автор рецензии дает высокую оценку исследованиям Ю.А.Зеленева в области золотоордынской археологии и считает его новую монографию весомым вкладом в изучение актуальных проблем, связанных с формированием этнических основ современных народов Поволжья и ролью в этих процессах государства Джучидов.

Ключевые слова: Золотая Орда, города Нижнего Поволжья и кочевая степь, оседлое население Среднего Поволжья, взаимодействие культур, этнокультурные процессы.

Истории Золотой Орды, или Улуса Джучи, как именовали созданное монголами-чингизидами государство в официальных документах, посвящено огромное количество исследований. В отечественной и зарубежной историографии завоевательные походы Монгольской империи и Золотая Орда, образовавшаяся в середине и второй половине XIII столетия на огромных просторах Европы и Азии, стали предметом внимания историков начиная с XIX в. Исследователи давали различные, порою диаметрально противоположные оценки монголо-татарским завоеваниям и их последствиям, но в целом в их трудах отсутствовала однозначно негативная оценка этого крупнейшего государства средневековья. Даже такие классики русской исторической науки, как Н.М.Карамзин, С.М.Соловьев и В.О.Ключевский, не говоря уже о представителях «школы евразийства», были в своих выводах осторожными и, опираясь на факты, отмечали, наряду с отрицательными, и положительные моменты периода монгольского протектората над Русью для исторических судеб страны.

В советской исторической науке, создавшей мифологизированную историю СССР и населявших ее народов, Золотую Орду рассматривали как сугубо отрицательное явление в истории на-

родов Восточной Европы, «паразитическое и хищническое государство», которое существовало лишь «за счет ограбления покоренных народов», замедляя «прогрессивное развитие трудолюбивого и свободолюбивого русского народа» (Измайлов, 1996, с. 99). «В результате монголо-татарского ига Русь была отброшена в своем развитии на два века назад», – единогласно утверждали практически все школьные и вузовские учебники. Однако даже в условиях тоталитарного режима советской системы время от времени появлялись крупные исследования, не потерявшие своего значения и в наши дни (например, труды М.Г.Сафаргалиева, Г.А.Федорова-Давыдова, М.А.Усманова, А.Г.Мухамадиева).

Начавшаяся с середины 80-х годов прошлого столетия перестройка, сопровождавшаяся внедрением в постсоветское общество элементов гласности и демократии, открыла принципиально новый этап в историографии Улуса Джучи. Возобновление интереса к изучению различных аспектов истории Золотой Орды объяснялось не столько значительным расширением источниковой базы по ряду нерешенных проблем (что, конечно, тоже являлось немаловажным фактором), сколько новыми методологическими и методическими подходами к их исследованию, откры-

вающими широкие возможности для творческой мысли ученых в поисках истины. В последние два десятилетия проводились крупные международные и всероссийские конференции по золотоордынской тематике, появились десятки монографий и сотни статей по истории, археологии и нумизматике Улуса Джучи. В своих исследованиях ученые стали оперировать такими запретными ранее историческими терминами, как «тюрко-татарская цивилизация», «золотоордынская цивилизация», объективно отражающие суть феномена средневековой монголо-татарской государственности.

Рецензируемая монография принадлежит перу Юрия Анатольевича Зеленева, известного российского ученого, автора более 200 научных трудов, в том числе монографий и учебных пособий по золотоордынской археологии, под руководством которого в последние годы проводились масштабные исследования многих средневековых памятников в Республиках Марий Эл, Мордовия, Чувашия, Татарстан, в Рязанской, Нижегородской, Ульяновской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областях. Особое значение имеют полевые работы исследователя по изучению столиц Золотой Орды в Нижнем Поволжье. Большой фактический материал, добытый этими раскопками, лег в основу новой книги Ю.А.Зеленева, рассматривающего широкий спектр проблем материальной культуры золотоордынского времени и средневековой истории народов Поволжья. В центре внимания автора – глобальные изменения в этнополитической карте обширных регионов, в первую очередь – Среднего и Нижнего Поволжья XIII-XV вв., вошедших в состав и орбиту непосредственного влияния Улуса Джучи.

По своей структуре, содержанию и оформлению данная книга представляет собой логически цельное произведение: она состоит, кроме введения, заключения и приложения в виде цветных иллюстраций, из четырех глав, в которых материальная культура городского и сельского населения рассматривается с точки зрения этнополитических процессов, происходивших в условиях новой реальности, связанной с появлением и функционированием Золотой Орды. Империя Чингизидов объединяла в пределах исследуемого региона многочисленные народы: мусульманское население Волжской Булгарии с богатыми городами – высокоразвитыми экономическими и культурными центрами; финно-угорские языческие племена, хозяйственная жизнь которых была основана на примитивном земледелии и промыслах; кочевых скотоводов Дешт-и-Кыпчака, а также «островки» православных русских, в той или

иной степени участвовавших в сложных процессах формирования «синкретической имперской культуры» и нового «этнического лица» монголо-татарского государства.

В первой главе дается анализ привлекаемых в исследовании исторических источников, включающих материалы археологических, антропологических и нумизматических исследований, данные эпиграфики, картографии, сведения русских летописей, арабских, персидских и западноевропейских авторов (с. 7-28), а также обзор историографии по теме (с. 29-50). Археологическая часть параграфа об источниках – это история изучения золотоордынских памятников Поволжья, изложенная достаточно подробно и в рамках исследуемой темы. Целостная историография Золотой Орды, включающая труды отечественных и зарубежных исследователей начиная с XVIII в. и до сегодняшних дней, к сожалению, еще не написана. Ю.А.Зеленев анализирует лишь труды, относящиеся к интересующей его теме. Нельзя не согласиться с автором в высокой оценке трудов А.П.Смирнова и его ученика Г.А.Федорова-Давыдова, в которых освещена этнополитическая ситуация региона в домонгольское и золотоордынское время. Он подчеркивает, что «с конца XX – начала XXI вв. центр исследований Золотой Орды все более смещается в Казань» (с. 45), где Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ выступает научным учреждением, координирующим работу российских ученых в области изучения золотоордынской истории, археологии и нумизматики. Это доказывается регулярно (раз в два года) проводимыми всероссийскими и международными научными конференциями, изданием серийных сборников «Золотоордынская цивилизация» (всего 5 выпусков), «Золотоордынское наследие» (2 выпуска), «Золотоордынская нумизматика» (2 выпуска), «Средневековые тюрко-татарские государства» (3 выпуска). В заключении главы обозначены дискуссионные или ранее не затрагиваемые учеными проблемы, часть которых взялся исследовать автор рецензируемого труда.

Глава 2 монографии посвящена этнокультурной характеристике золотоордынского города (с. 51-128). Учитывая, что в XIII-XV вв. в государстве Джучидов происходили, помимо принципиально новых процессов, вызванных кардинальными изменениями после монгольских завоеваний, процессы «инерционные, т.е. начавшиеся еще в домонгольский период и продолжившиеся в изменившихся условиях», автор вполне логично предлагает читателю анализ поволжских городов XII – первой трети XIII вв.

Важно подчеркнуть, что до недавнего времени основные земли Улуса Джучи на Нижней Волге – территория Дешти-Кыпчака – представлялись как почти не освоенные оседлым населением. Разведочные и раскопные исследования последних лет, в том числе работы казанских археологов, показали ошибочность данного утверждения. Домонгольские материалы, доказывающие оседлость части населения, обнаружены, например, на территории Астрахани, Волгограда и в ряде других пунктов, но ярким примером является Самосдельское городище в Астраханской области, значительную часть населения которого, судя по находкам из слоев IX – начала XIII вв., составляли булгары. По справедливому мнению Ю.А.Зеленева, «уникальность Самосдельского городища состоит в том, что этот памятник демонстрирует непрерывность существования городской культуры с VIII по XIV вв.» (с. 53). В этом же разделе рассматриваются города Волжской Булгарии с их сельскохозяйственными округами, часть которых продолжала существовать и в золотоордынское время.

Далее рассматриваются градостроительные традиции и принципы формирования планировки золотоордынского города. В оседлых земледельческих районах Среднего Поволжья автор выделяет два типа городов: старые домонгольские (Болгар, Биляр, Джукетау и др.) и новые, созданные в соответствии с монгольскими градостроительными традициями (г.Мохша в мордовских землях). Нижневолжские города возникают преимущественно на пустом месте по традициям, восходящим к центральноазиатской культуре древних уйгуров, киданей, монголов (ср., например, первую столицу монголов Каракорум и столичные города Золотой Орды Сарай и Сарай ал-Джадид). Таким образом, «градообразовательные традиции в Нижнем Поволжье имеют монгольские корни» (с. 61, 79). Данный тезис пока особых возражений не вызывает, но дальнейшие исследования археологов могут внести в него существенные коррективы.

Архитектурные традиции и особенности материальной культуры золотоордынских городов выявлены путем анализа рядовых жилищ типа землянок, домов-усадеб зажиточной части населения, общественных бань, культовых (мечети, медресе) и мемориальных сооружений (мавзолеев). Согласно хорошо аргументированному мнению Ю.А.Зеленева, своеобразие архитектуры этих памятников было обусловлено не только природно-географическими условиями региона, но и заимствованиями, исходящими из различных областей Средней Азии (в частности, Хорезма), Северного Кавказа, стран Ближнего Вос-

тока (с. 88, 91, 95 и сл.). Любопытно, что по антропологическим данным, «значительный процент населения Селитренного городища (г.Сарая. – Ф.Х.) составляли выходцы из Средней Азии, что, очевидно, предопределило преобладание среднеазиатских строительных традиций в архитектуре этого города» (с. 101). Данное заключение автор подкрепляет и анализом предметов материальной культуры, демонстрирующих влияние выходцев из Закавказья, Ирана, Средней Азии, Византии и других регионов на развитие ряда ремесленных производств.

Заслуживают внимания выводы заключительной части главы, где Ю.А.Зеленев выделяет региональные особенности золотоордынских городов Поволжья и определяет этнический состав их населения. Как свидетельствуют приведенные автором источники, «золотоордынские города возникают и развиваются вначале как полиэтнические образования» (с. 120). Социальную верхушку населения составляли монголы, почти полностью утратившие к середине XIV в. свои этнокультурные черты. Значительная часть кыпчаков также превратилась в городских жителей. Среди горожан можно было встретить выходцев из стран Востока. Существенен вклад в развитие Золотой Орды мусульманизированного населения Волжской Булгарии, тогда как влияние на ее культуру русских и финских народов Среднего Поволжья не столь ощутимо. Принципиально важным является вывод исследователя о формировании в 20-х годах XIV в. золотоордынского общества с оседлой культурой, «с преобладанием в ней элементов культуры местного поволжского домонгольского населения» (с. 127).

Глава 3 «Этнокультурные особенности кочевого населения золотоордынского Поволжья» посвящена судьбе тюркоязычных кочевников, которые начали проникать в степи Восточной Европы еще в середине I тыс. н.э., если не раньше. Это гунны и их потомки, печенеги, огузы / торки, кыпчаки / половцы. Последние были основным населением степных районов Восточной Европы накануне монгольских завоеваний. Автор опровергает абсурдную точку зрения о полном истреблении кыпчаков монгольскими завоевателями и присоединяется к мнению Г.А.Федорова-Давыдова об уничтожении лишь части аристократической верхушки. Подробный анализ погребальной обрядности степных кочевников позволил ему проследить процесс распространения среди них ислама, принявшего интенсивный характер при правлении хана Узбека (с. 134).

Далее Ю.А.Зеленева исследует взаимоотношения кочевого и оседлого населения золотоордынского Поволжья и прослеживает процесс седентаризации кочевников, т.е. перехода их к оседлому образу жизни. Отметив спорность утверждения, что городская культура мало или вообще не связана со степной кочевнической, ученый приводит ряд доказательств существования товарообмена между городом и степью, проникновения элементов кочевой культуры в городскую. Убедительным звучит утверждение Зеленева о превращении искусства кочевой степи «в одно из слагаемых своеобразной синкретической городской культуры» (с. 147). Что касается проблем седентаризации, то автор прямо говорит о небольшом информационном потенциале источников и полагает, что переход кочевников к оседлому образу жизни происходил, вероятно, при обязательном их участии в строительстве городов, охране караван-сарая, обслуживании почтовых станций (ям) и т.д. Показательно, что даже будучи горожанами, они предпочитали жить в юртах, которые придавали городу привычный степной облик (с. 165).

Глава 4 «Этнокультурная история оседлого населения Поволжья в XIII–XV вв.» начинается с анализа этнополитической ситуации средневожского региона в предмонгольское время. Данный раздел читается с интересом и оставляет в целом хорошее впечатление, в то же время приходится констатировать, что он излишне объемный (с. 168–200) и насыщен сведениями, не имеющими прямого отношения к основной проблематике монографии. Следующие разделы главы, посвященные оседлому населению Нижнего Поволжья, волжским булгарам, мордве и другим народам лесостепного Поволжья XIII–XIV вв., отличаются обилием оригинальных сведений, основанных на материалах археологических раскопок городских и сельских поселений, могильников, а также письменных документов. По наблюдениям Ю.А.Зеленева, по мере удаления от городских центров в низовье Волги, этнокультурная окраска негородских поселений меняется: «среднеазиатский, кавказский и иранский компоненты уступают место финно-угорскому, болгарскому и русскому; при этом отчетливо просматривается единый пласт материальной культуры, общей для всего населения Золотой Орды» (с. 219). Чрезвычайно интересны русские поселения с прилегающими к ним православными могильниками XIV–XV вв., раскопанные в Саратовском Поволжье. Однако причины появления их в ино-

этнической среде остались невыясненными. Не вполне согласуется положительная оценка автором инноваций в социальной сфере и экономике Волжской Булгарии после монгольских походов со статистикой потерь: «общее количество археологических памятников на территории Волжской Булгарии золотоордынского времени в три раза меньше по сравнению с предыдущим периодом» (с. 223). Заключение Ю.А.Зеленева о том, что Булгарский улус сохранил свою специфику и его города стали «наследниками» домонгольских традиций (с. 233), основано на солидной базе археологических источников. По его мнению, именно этнокультурная основа старого политического центра Среднего Поволжья способствовала в дальнейшем его обособлению и оформлению здесь нового государства (с. 237).

Ю.А.Зеленева не видит катастрофических последствий монгольских завоеваний в этнокультурных процессах у мордвы – в период могущества Золотой Орды наблюдается демографический взрыв, в результате которого осваиваются новые земли в Среднем и Нижнем Поволжье (с. 244). Однако представляется, что переселение части мордвы в пределы бывшей Волжской Булгарии и на другие территории могло иметь и другие причины, совсем не связанные с увеличением численности населения. Интересны сведения о погребениях, совершенных по мусульманскому обряду, на мордовских Старосотенском и Аткарском могильниках (с. 254), хотя в целом «утверждение в Золотой Орде ислама не стало причиной насильственной исламизации финно-угорских народов» (с. 269). Судя по материалам автора монографии, древние марийцы, чуваша и удмурты, входившие в сферу влияния волжских булгар, испытывали одновременно осязаемое влияние славяно-русского населения, активно продвигающегося в юго-восточном направлении.

Монография Ю.А.Зеленева является весомым вкладом в изучение актуальных проблем, связанных с формированием этнических основ современных народов Поволжья и ролью в этих процессах государства Джучидов. В ней анализированы и обобщены на должном профессиональном уровне известные науке материалы по указанной теме. Имеются спорные положения, некоторые из них высказаны в порядке постановки вопроса и требуют более углубленных исследований с привлечением новых источников. Надеемся, что эти вопросы привлекут внимание и других исследователей.

